

СМЫСЛ И МЕРА ТОЛЕРАНТНОСТИ

Е.Ю. Кольцова, Е.Е. Таратута

ИЗМЕРЕНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ

В статье представлены результаты работы петербургской исследовательской группы, принимавшей участие в разработке методики выявления интолерантных текстов в прессе в рамках межрегионального проекта Фонда Защиты Гласности в 2002 г. Методика представляет собой инструкции для проведения мониторинга печатных СМИ и предназначена для общественных организаций и органов государственной власти. В ее основе лежит понимание интолерантности, свободное от политических предпочтений, что позволяет находить признаки нетерпимости в высоко легитимизированных дискурсах; это же понимание выводит задачу различения политически «допустимой» и «недопустимой» интолерантности за рамки мониторинга. В ходе работы получены не только инструментарий для сугубо прикладных исследований, но и содержательные результаты, касающиеся типичной структуры и внутренней организации интолерантных дискурсов; они составляют существенную часть статьи. Особое внимание также уделено теоретическим и методологическим трудностям, возникавшим в ходе проекта, и путям их разрешения.

В последнее время проблема толерантности/интолерантности вообще и проявление нетерпимости в СМИ является предметом широкого обсуждения; демократически ориентированная часть общества проявляет такой же интерес к искоренению интолерантности, как и к сохранению важной для нее ценности — свободы слова. В связи с этим возникает основная сложность: как отличить проявление нетерпимости, оскорбляющее какие-то категории граждан или ущемляющие их права, что недопустимо для демократии, от просто другого мнения?

Этот вопрос исследовался нами в рамках проекта Фонда Защиты Гласности, охватившего шесть регионов Российской Федерации*. Основным результатом этой работы стала методика выявления нетерпимости в текстах печатных СМИ, пригодная к использованию общественными организациями и государственными органами в практических целях (однако эта методика не рассчитана на применение в судебной и юридической практике). Более или менее однозначное выделение социальных смыслов в текстах — довольно сложная научная задача, которая в полной мере не могла быть решена в рамках прикладного исследования. Однако сам процесс разработки методики выявления интолерантности привел нас не только к методическим, но и к некоторым содержательным результатам, касающимся типичной структуры и внутренней организации интолерантных дискурсов.

Этими результатами мы хотели бы поделиться в данной статье**. При этом особое внимание мы уделим некоторым теоретическим и методологическим трудностям, с которыми мы сталкивались в ходе проекта, и путям их разрешения.

Определение и конститутивные признаки интолерантности

Понятие интолерантности: сложности операционализации

Определить интолерантность невозможно без прояснения понятия толерантности. Последнее же, во-первых, используется в общественной дискуссии как нормативная, ценностно нагруженная категория, что усложняет беспристрастное определение ее объективных признаков. Так, в одном из российских источников «...толерантность определяется как ценность и социальная норма гражданского общества, проявляющаяся в праве быть различными всех индивидов гражданского общества; обеспечении устойчивой гармонии между различными конфессиями, политическими, этническими и другими социальными группами; уважении к разнообразию различных мировых культур, цивилизаций и народов; готовности к пониманию и сотрудничеству с людьми, различающимися по внешности, языку, убеждениям, обычаям и верованиям» [1, с. 17]. В Декларации принципов толерантности, принятой ЮНЕСКО, также подчеркнута: «Проявление толерантности, которое созвучно уважению прав человека, не означает терпимого отношения к социальной несправедливости, отказа от своих или уступки чужим убеждениям. Это означает, что каждый сво-

* Проект выполнен при поддержке Министерства образования РФ в рамках федеральной целевой программы «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе» в октябре-декабре 2002 г.

** Мы старались представить в основном разработки Петербургской группы (руководитель — О. Кольцова; исследователь — Е. Таратута; кодировщики — С. Малин, К. Рец). Однако в ходе проекта идеи и тексты разных авторов иногда так сильно переплелись, что выделить вклад каждого не всегда возможно. Мы выносим благодарность руководителю проекта А. Симонову (Москва), координаторам Н. Муравьевой и Ю. Казакову (Москва), исследовательским группам: С. Шайхитдиновой, Л. Сагитовой, С. Ерофееву, Е. Ходжаевой (Казань); Э. Чепкиной, Т. Керимову, Л. Ениной (Екатеринбург); группам мониторинга из Новосибирска, Воронежа и Москвы, а также В. Мальковой, М. Горбаневскому, Л. Доддани (Москва) и О. Карпенко (Петербург).

боден придерживаться своих убеждений и признает такое же право за другими» [2, с. 65].

Во-вторых, как многие широко используемые категории, понятие толерантности содержит в себе несколько возможных интерпретаций, по поводу которых разворачиваются споры не только между противниками принципа терпимости, но и между его сторонниками. В большинстве случаев толерантность означает терпимость к другим, непохожим индивидам, группам, точкам зрения, культурам и т. д. (см. детальную разработку этой проблематики в работах В.К. Мальковой [3–5]).

Интолерантность, соответственно, обычно означает учет интересов только своей группы (собственных интересов), нетерпимость к другим точкам зрения и бескомпромиссную борьбу (или призывы к борьбе) с ними, в первую очередь насильственными методами (эта тема исследовалась, в частности, в работах А. Верховского и др. [6–8]).

Однако при определении толерантности ее сторонниками всегда делается ряд оговорок: толерантность не подразумевает пассивного конформизма, равнодушия, терпимости к социальной несправедливости, нарушению закона, дискриминации, насилию и т. д.

Таким образом, толерантность тщательно ограждается от всех сходных с ней явлений, которые могут иметь для ее сторонников негативную ценность. Из описанных оговорок видно, что понятие толерантности внутренне противоречиво: оно подразумевает терпимость ко всем, кроме тех, кто сам интолерантен и, следовательно, само включает в себя свою противоположность. Поэтому именно вокруг этих оговорок и разворачиваются самые горячие споры, суть которых можно свести к следующему: если принцип толерантности подразумевает исключения, то как определить, к кому следует относиться толерантно, а к кому — нет? От ответа на этот вопрос во многом зависит то, какие тексты относить к интолерантным: если из их числа следует исключить случаи «нетерпимости к нетерпимым», то нужны критерии, по которым такая враждебность будет отличаться от интолерантности, подлежащей запрету.

В каждом обществе есть виды нетерпимости, считающиеся допустимыми (например, самозащита) и не осознаваемые как интолерантность; толерантное отношение к уличным грабителям было бы неуместно, к ним *предписывается* относиться враждебно. И каждое государство использует насилие в целях охраны внешних границ и внутреннего порядка. Можно определить интолерантность как незаконное насилие или призывы к нему. Но как быть, если закон систематически дискриминирует какую-либо группу (группы) — например, как в Афганистане при талибах, запрещает женщинам получать образование и медицинскую помощь? Можно ли считать вооруженную оппозицию такому режиму недопустимой интолерантностью? Или таковой следует считать сам этот режим?

Другой способ — определить интолерантность как нелегитимное насилие. В определении М. Вебера, нелегитимное означает социальное неодобряемое и не поддерживаемое, несправедливое, «неправильное». Однако опять возникает вопрос: не поддерживаемое кем? Что, если в обществе нет консенсуса по поводу справедливости и правильности? Если какое-либо меньшинство имеет

особые, отличные от общепринятых, представления о справедливости (напр., справедливость законов Домостроя), подлежат ли их действия (и речи) запрету только на основании их малочисленности и необычности?

Разделение признаков интолерантности и их нормативной оценки

Нетерпимость, как правило, есть там, где есть конфликт интересов и ответная нетерпимость, и разобраться, «кто первый начал», бывает крайне сложно, а иногда — невозможно. В таких ситуациях позиции сторон зачастую симметричны: обе стороны выражают готовность к терпимости, и часто демонстрируют терпимость ко всем, кроме тех, кто нетерпим к ним, т. е. к своим основным оппонентам. Самое главное для мониторинга речевой интолерантности — стороны используют симметричный язык. Анализ речи религиозных радикалов и радикальных атеистов, «западников» и «славянофилов», фашистов и некоторых антифашистов, чеченских «террористов» («диверсантов») и «федералов» («оккупантов») показывает, что употребляемые ими языковые конструкции почти не отличаются. Цели противоположные, а средства сходные.

Везде присутствует категория врага, везде ответственность возлагается на него и везде собственная интолерантность оправдывается интолерантным поведением другой стороны. Очень часто тексты одной стороны содержат утверждения о нелегитимных действиях врага, а тексты другой стороны — их опровержения (подробнее об этом см. [9]). Установить, какая из сторон прибегает к прямой лжи, в рамках анализа текста невозможно, и, значит, утверждения о таких нелегитимных действиях в самих текстах не могут служить критерием отнесения текста к толерантному или интолерантному.

Таким образом, анализ структуры текста, его видимых, наблюдаемых признаков не дает возможности отделить допустимую интолерантность от недопустимой. Анализ политического и социального контекста может выявить обстоятельства, оставшиеся за рамками текста, однако сами внетекстовые критерии допустимости или недопустимости того или иного враждебного отношения также вызывают большие споры. Поэтому при создании методики *выявления признаков интолерантности* мы пришли к выводу, что единственно корректным подходом здесь может быть поиск речевых индикаторов любой нетерпимости — допустимой или недопустимой, а разведение этих двух видов с целью их регулирования — это следующая задача [10].

Преимущества разделения признаков интолерантности и их нормативной оценки

Исходя из такой постановки задачи, мы крайне не рекомендовали тем, кто захотел бы применять нашу методику, возлагать разведение оправданной и неоправданной нетерпимости на кодировщиков*, надеясь на их гражданские чув-

* Наша методика проектировалась таким образом, чтобы ввод данных осуществлялся кодировщиками — людьми, имеющими высшее образование и прошедшими специальную подготовку для участия в проекте. При этом, однако, предполагается, что кодировщики не являются специалистами по проблеме толерантности и осуществляют техническую часть мониторинга по предоставленной им методике.

ства. Это обязательно привело бы к влиянию личных, в т. ч. политических убеждений кодировщиков на результаты исследования. Атеист и верующий, гомосексуалист и гетеросексуал, приверженец партии «Единая Россия» и сторонник независимости Чечни могут из одной и той же выборки получить разные наборы интолерантных текстов — что и происходило на ранних этапах отлаживания методики. Результаты такого исследования нельзя считать надежными, и это стало главной причиной вывода за скобки всех представлений о «хорошей» и «плохой» интолеранности.

Опора на сугубо наблюдаемые языковые признаки также способствовала включению в анализ тех групп, «правота» которых редко подвергается сомнению, напр., представителей государственных органов. Это принципиально важно для обеспечения равных правил для всех, в том числе для тех, кто обладает большими властными ресурсами и занимает доминирующее положение в обществе. Для того чтобы результаты исследования были валидными, меньшинства и маргинальные группы не должны подвергаться анализу более тщательному, чем те, чей язык кажется данному обществу более привычным, естественным, само собой разумеющимся. Именно «примелькавшиеся» типы нетерпимости чаще других остаются незамеченными, а необычные точки зрения, способные увидеть в привычном признаки интолерантности, подавляются доминирующим дискурсом и вытесняются на периферию общественного сознания. В этом случае строгое сравнение языковых конструкций способно помочь увидеть, какими способами конструируется любая интолерантность, в том числе и допустимая с точки зрения доминирующего дискурса. Практики и стратегии недопустимой интолерантности представляют собой социально не одобряемые приемы конструирования собственного дискурса. Даже в случае их пропагандистской успешности они обладают свойством компрометировать тех, кто их использует, и делать уязвимой позицию порождающего их дискурса в целом.

Кроме того, интолерантность и враждебность часто бывают следствием длительных и не замечавшихся насильственных действий по отношению к группе, использующей этот враждебный язык, со стороны другой группы, которая может быть «молчащей», но «действующей». Здесь вопрос о допустимости такой интолерантности особенно спорен. Мы все равно рекомендовали фиксировать такие случаи как интолерантные, оговаривая предпочтительные для нас способы их последующего регулирования. В подобных случаях, с нашей точки зрения, интолерантность — не причина, а следствие конфликта; здесь (особенно если речь идет о конфликте с широким применением физического насилия) было бы полезно использовать данные об интолерантности в качестве индикатора проблемы и бороться с самой проблемой, а не с ее следствиями.

Единица анализа

Единицей анализа в нашем исследовании был текст, под которым понималось любое законченное произведение, имеющее самостоятельный заголовок и/или графическое выделение на полосе, а также выполняющее автономную коммуникативную функцию. Так, главак внутри статьи не считалась самостоятельным текстом, т. к. она не может быть понята в отрыве от всех других гла-

вок статьи. Наоборот, незаглавленные новости, состоящие из одного предложения и объединенные в общий блок, считались отдельными текстами, т. к. для их понимания не требуется чтения соседних новостей. Из анализа были исключены тексты, смысл которых не может быть понят без сопутствующих изображений (подписи к фотографиям, реплики карикатурных персонажей и т. п.). Кроме того, мы не рассматривали фотографии и иллюстрации, поскольку для выявления интолерантности в изображениях потребовалась бы, по нашему мнению, разработка отдельной соответствующей методики.

Невозможность формализации признаков интолерантности

Пытаясь определить «объективные» языковые признаки интолерантности в тексте, мы сразу столкнулись с целым рядом трудностей. Прежде всего, в поисках нетерпимости оказалось практически невозможно опираться на лексемы. Во-первых, прямая оскорбительная лексика встречается крайне редко, именно потому что она очень просто подводится под юридические санкции. Во-вторых, весьма часто оскорбительные суждения встречаются в виде осуждаемых цитат (напр.: «правозащитная организация X осудила высказывание депутата Y о его намерении "выдворить всех кавказцев и прочих чужаков из Купчино"»); «Как можно не видеть распространения националистической угрозы, когда газеты полны измышлений о "жидо-масонском заговоре"?») В этом случае встает вопрос: считать данный текст содержащим признаки интолерантности или нет? С одной стороны, осуждаемое или поощряемое, интолерантное высказывание в нем присутствует; с другой — его восприятие в осуждающем контексте авторской речи совсем не то же самое, что без такого контекста, или тем более в самой авторской речи. Это вывело нас на проблему «многослойности» медийных текстов: в одной и той же статье, помимо дискурса ее автора, нередко присутствуют дискурсы одного или нескольких персонажей, с которыми автор согласен или не согласен*.

Проблему классификации таких текстов мы решили следующим образом. Мы фиксировали все проявления интолерантности, в том числе цитируемые и осуждаемые, но при этом в виде отдельных переменных указывали их статус в тексте: чей это дискурс — автора или персонажа, и если последнего, каково отношение к нему автора. Мы также отмечали, является ли интолерантное высказывание периферийным или ими насыщен весь текст. Таким образом, мы отказались от общей оценки текста как толерантного или нетолерантного, и вместо этого фиксировали целый набор его признаков. Возможно, такой подход разочарует сторонников вынесения однозначных приговоров, но зато, с нашей точки зрения, он дает более адекватное и детализированное представление о функционировании интолерантных смыслов в СМИ.

Однако проблема поиска собственно признаков интолерантности, в каком бы дискурсе они ни встречались, этим не решалась. Нам удалось выделить целый ряд признаков на уровне синтаксиса и логической структуры предложений (этому посвящен раздел в конце статьи), однако на проверку оказывалось, что все они лишь косвенно указывали на возможность присутствия интоле-

* О сложности и многоуровневом характере журналистского дискурса см. также [11].

рантности в тексте, но не схватывали ее конститутивных признаков. Стало ясно, что эти признаки находятся на семантическом, смысловом уровне текстов и могут быть выражены практически любыми языковыми средствами. Это означало, что выявление таких признаков может быть проведено только качественными, неформализуемыми методами, а они в целом не подходят для задач мониторинга. Решение предложили наши коллеги из Казанского университета*, которые, в свою очередь, многое почерпнули из британского опыта. Ключевым здесь становилась процедура обучения кодировщиков, которая одновременно использовалась нами и как процедура отлаживания методики, проверки отдельных переменных и критериев. На первом этапе кодировщикам давались неформализованные инструкции по поводу того, как интуитивно «видеть» интолерантность в тексте; на втором — два независимых кодировщика кодировали одни и те же тексты; на третьем этапе — их результаты сравнивались, разница выявлялась и обсуждалась. Затем процесс должен был повторяться до тех пор, пока совпадение не достигло бы приемлемого для исследователей уровня (например, 90 %). Таким образом, объективность достигалась не за счет избавления от интуитивности в *процессе* выявления интолерантности, а через выработку навыков получать одинаковые *результаты* на одинаковых текстах — каким бы путем они ни были получены.

Справедливости ради стоит заметить, что, ввиду чрезвычайно сжатых сроков проекта, указанного уровня совпадения результатов нам добиться не удалось, но общий прогресс был налицо. Кодировщики, с которыми мы работали в Петербурге, не только смогли уловить ускользающую сущность понятия интолерантности и постепенно уменьшать различия в кодировании, но и внесли существенный содержательный вклад в отладку многих переменных. Теперь следует перейти к описанию собственно смысловых признаков интолерантности, которые были сформулированы в ходе проекта.

Основные содержательные признаки интолерантности в тексте

Содержательные признаки, конституирующие понятие интолерантности, были заимствованы нами из проекта группы исследователей Европейского университета в Санкт-Петербурге, посвященного радикальным сайтам в русскоязычном Интернете** [12]. Эти признаки можно разделить на две большие группы.

1) Текст содержит признаки **поляризованного иерархического деления** на две или более групп. Это значит, что все люди делятся на «хороших» и «плохих», «нормальных» и «патологичных». Чаще всего «хорошие» обозначаются как «наши», а «плохие» как «не наши», «чужие». Эти группы непримиримо противопоставляются по каким-то признакам или без них. Признаки, если они есть, считаются постоянными и присущими всей группе в целом (сверхообщение): напр., «все женщины — дуры», «все русские — высокодуховны». Одна из групп (чаще всего «не наши») оказывается неизменно хуже, чем другая. Таким образом, текст может содержать:

* С. Шайхетдинова, Л. Сагитова, С. Ерофеев, Е. Ходжаева.

** Исследование проведено при поддержке Министерства образования в рамках федеральной целевой программы «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе» в январе-сентябре 2002 г.

а) негативные характеристики какой-либо группы («азербайджанцы — нецивилизованный народ») — самый частый тип;

б) позитивные характеристики какой-либо группы, привилегирующие ее перед другими («русский народ — самый духовный»);

в) и то, и другое.

2) При наиболее жестком выражении интолерантности сверх или вместо иерархического деления на «плохих» и «хороших» текст может содержать побудительные конструкции, призывающие к определенным действиям в отношении тех, кто признан неисправимо «плохими»:

а) призыв к насилию против определенной группы («выдворить кавказцев из России»), против государственного строя («взять власть в стране силой»);

б) предписывающие суждения, дискриминирующие группу («женщина должна сидеть на кухне»).

В ходе описываемого исследования эти признаки уточнялись, дробились и упорядочивались, и в результате получилось довольно детальное описание структуры «эталонного» интолерантного дискурса, отдельные элементы которого затем и искались в текстах прессы (при этом мы также опирались на работу А. Delwiche [13]). За эталонный дискурс, так же, как и в предыдущем проекте, были приняты тексты с сайтов радикальных организаций, интолерантность которых не вызвала сомнения у исследовательской группы. Примеры в нижеследующем описании, однако, подобраны из анализировавшейся прессы; хотя методика предназначена для выявления интолерантности любой направленности, де факто нетерпимость в прессе чаще всего окрашена в политические или этнические тона, что и определило содержание большинства примеров.

Характеристики эталонного интолерантного дискурса

Суждения, в которых конкретизируются базовые признаки интолерантности, здесь разбиты на шесть групп. Это соответствует пяти т. н. «качественным» графам, введенным нами в базу данных для мониторинга в дополнение к стандартизованным переменным. Эти графы, куда кодировщики вписывали цитаты и свои комментарии, не предназначены для статистической обработки. Их задача — обеспечить более углубленный анализ текстов для тех, кто ставит перед собой такие цели.

Первые две группы включают высказывания о группах — субъектах интолерантного отношения и его объектах. Эти категории родились из более традиционных и знакомых понятий «мы-» и «они-групп». Такая замена была обусловлена тем, что авторы интолерантной речи далеко не всегда противопоставляют свою группу («нас») «не нашим»; иногда речь идет о противопоставлении двух групп, ни с одной из которых автор себя не идентифицирует — образуется две «они-группы» (см., напр. [14]). При попытке наложить понятия «мы-» и «они-группы» на еще более сложные случаи ситуация окончательно запутывается, вот почему мы предпочли более простые термины.

Суждения о группе-субъекте

1. В тексте утверждается наличие и единство группы (институционализованной или нет), с которой, как правило, идентифицирует себя автор речи.

Пример: «ВКПб является партией ленинского типа».

2. Субъект-группе дается название, ей приписываются всеобщие позитивные признаки и характерные для нее позитивные действия (сверх-обобщение); декларируется превосходство Субъект-группы над прочими группами («*Мы хорошие, умные, честные*»; «Наше» приравнивается к эталонному, центральному, всеобщему, нормальному. («Чужое» при этом позиционируется как отклонение от нормы.) «Наше» может также презентироваться как естественное, настоящее. («Чужое», соответственно, принимает вид ненастоящего, искусственного). Кроме того, «наше» может отождествляться со здоровьем, гармоничным порядком вещей (при этом «чужое» связано с нездоровьем, вырождением, аномалией, патологией).

Примеры:

«Веротерпимость и гостеприимство — древний наш обычай».

«Особая роль, исконно присущая русскому народу...»

«— Могут ли не Славяне исповедовать Славянскую Веру? А если у меня жена или муж Славянин?»

— Нет. Принадлежность к Славянской Вере есть достоинство детей Славян и Славянских Родов. Если Вас приняли в Славянский Род и Вы носите Славянскую фамилию, то Вы можете участвовать в обрядах этого Рода».

«Русские не забывают своих братьев украинцев, белорусов и даже литовцев, которые еще несколько веков тому назад были единым русским народом. Единым как генетически, так и в своих национальных традициях».

3. Размер и поле действия Субъект-группы часто масштабируются, как правило, в сторону увеличения ее масштабов; наиболее типичные способы можно обозначить так:

а) Расширение — своя группа презентуется как представляющая интересы более широкой группы (всех русских, всех христиан, всех россиян, всех порядочных людей и т. д.) — обычно в случае интолерантности с революционной, сепаратистской и государственной семантикой.

б) Эксклюзивная претензия на ресурсы (материальные, символические) — группа не расширяется, но объявляется единственной, имеющей право на ресурс (напр., «*Россия — исконно православная страна*», т. е. в «*России имеют право жить только православные*»; «*Все должны нам помогать*»; «*Для нас должны быть исключения, привилегии, льготы*»), — обычно в случае интолерантности с межгрупповой семантикой («*Нас становится все меньше*»)

Пример: «*Руководство страны, выражая интересы народа России, проявило политическую волю и адекватно ответило на вызов <...> Уверен, мы все преодолеем, сохраним целостность страны*». (Руководство расширяется до всего народа, а интересы руководства — целостность страны — представляются как интересы народа).

4. Субъект-группа обычно также представляется имеющей исключительные полномочия на разрешение «ключевого конфликта» (конфликта, который презентуется как основной для данной ситуации, — т. е. лежит в основе противостояния групп) — с различной степенью интенсивности, вплоть до мессианской семантики.

Пример:

«Методологией социально-политического познания и действий ВКПб является марксизм-ленинизм, научно обосновывающий всемирно-историческую

миссию международного рабочего класса, которая заключается в создании общества, не знающего эксплуатации, угнетения, войны, насилия над личностью и массами, социального неравенства и общественной несправедливости).

Суждения о Группе-объекте

В эталонном дискурсе эти суждения симметричны высказываниям о Группе-субъекте.

1. Утверждается наличие Группы-объекта как целостности, причем выделяется она часто по какому-либо признаку, значимому для выстраивания идентичности Субъект-группы (национальному, этническому и т. д.). При этом Группа-объект как целостность, конечно, противопоставляется Группе-субъекту как целостности.

Пример:

«Мы — Словене! А другие — не мы, то есть немые, немцы. Так как самые близкие соседи Словен, Германцы, то этих людей мы чаще других зовем немцами».

2. Группе-объекту, как правило, приписываются стигматизирующие наименования, всеобщие негативные признаки и характерные для нее негативные действия. Характерны сверхобобщения — приписывание неких признаков всем представителям группы, выделенной по другому, не связанному признаку («Все евреи — жадные»; «Они грубые, жестокие, бескультурные»; «Они бездуховные»; «Они — слуги дьявола, бесы...»).

Эти приписываемые признаки часто имеют статус «независимо регистрируемой ущербности» (т. е. ущербности, существующей якобы независимо от Субъект-группы и ее мнения). Чаще других Группе-объекту приписывается лживость и низкие моральные качества в целом. В пределе эталонный интолерантный дискурс стремится к противопоставлению группы универсального добра и группы универсального зла. Поэтому, хотя в таких «предельных» текстах этнические и политические лексемы встречаются чаще других, все равно в них невозможно выделить признак, по которому группы противопоставляются (напр., *русский народ и демократы; честные люди и жидомасоны* и т. п.).

Кроме того, как правило, утверждается, что поведение Группы-объекта по отношению к Группе-субъекту и/или другим группам всегда является умышленно враждебным и/или несправедливым («Они враждебны нам, опасны»; «Они — наши соперники, противники, конкуренты»; «Они все воры, бандиты».)

Примеры:

«— Итак, чем плохо христианство?»

— Очень многим! Во-первых, это ЧУЖАЯ религия. Она и воспринималась на Руси как заморская, ромейская вера. — Христианство — это лживая вера.

— Христианство — очень жестокая религия, непримиримая к инакомыслию».

«Христианство принесло ЧУЖИЕ имена, чужое звучание. Это плохо и спорить с этим бессмысленно».

В реализации указанных суждений об Объект-группе можно выделить два наиболее типичных частных приема [15]:

а) Уступка — защита от упреков в сверхобобщении, не аннулирующая само сверхобобщение: *«Среди них попадаются и хорошие люди».*

б) Приведение примера (ход, обратный обобщению: когда после общего вывода приводится один частный пример из личного опыта).

«Все евреи сволочи, взять хотя бы нашего соседа».

3. Так же, как и Субъект-группа, Объект-группа масштабируется, но уже в сторону сужения масштабов; утверждается:

а) что группа защищает только свои собственные узкогрупповые интересы;

б) что группа не имеет права на те ресурсы, которыми обладает и/или на которые претендует.

4. Роль Группы-объекта в «ключевом конфликте» презентуется как конфликтотенная (*«Они отнимают у нас..., покушаются на наше...»; «Они виноваты в наших бедах (болезни, отсутствие работы, очереди в больницах...); «Они нас спаивают, травят наркотиками»; «Они виноваты в нашем прошлом»; «Они нам мешали и мешают»; «У нас с ними разные ценности и цели»; «У них есть план уничтожить нас»; «Они нас унижают»; «Они нас презируют»; «Они везде, у них длинные руки»; «Они не дремлют».*)

Развернутые примеры по Объект-группе:

«Догматически же, христианство — это идеология военная: "Церковь — Воинство Христово". И жизнь христианина — непрерывная духовная война. Что есть цель любой нормальной войны? Уничтожение противника любой ценой. В противовес же подобному моно-мышлению и существует язычество, это гармония».

«Те, кто не может представить свою жизнь без антигуманных, чужих и чуждых русскому народу-труженику религиозных костылей, русскими называться не имеют никаких прав. Те, кто вольно или невольно окунулся в никогда не существовавшее "русское православие <...>" русскими называться не имеют никаких прав».

Суждения о конфликте

В интолерантных текстах часто содержится указание на существование всеобщего биполярного конфликта. Он отличается от противопоставления тем, что означает указание на некую острую ситуацию, требующую разрешения. (Противопоставление может быть выражено, но не рассматриваться как конфликтное, угрожающее и т. д.). Способы презентации конфликта в текстах таковы:

1. Конструируется «острый настоящий момент»: ситуация настоящего момента презентуется как специфическая, конкретнее — конфликтная и опасная (*«Наши ценности заменяются чужими»; «Мы становимся очень слабыми»; «Мы позволяем другим унижать себя»; «Мы — жертвы: нас зомбируют, навязывают нам чуждые ценности»*). При этом утверждается, как правило, что в мире есть только один конфликт по одному поводу между двумя четко выделенными группами. Поскольку сложность и разносторонность подхода к рассмотрению чего бы то ни было не приветствуется в интолерантном дискурсе, презентация конфликта неизменно оказывается упрощенной и схематизированной.

Пример:

«Главарь империалистов, президент США Дж. Буш выступил с посланием "О состоянии нации". Этот документ беспрецедентен по своей агрессивности».

ти. Он фактически означает объявление войны человечеству и представляет собой план завоевания мирового господства».

2. Ключевой конфликт презентуется как находящийся в стадии критической, исключительно острой, как требующий немедленного разрешения.

Пример:

«Сегодня Россия находится на краю гибели! Кризис распространился на все стороны жизни народа и государства».

3. Применяются всевозможные разоблачительные приемы: сам факт существования ключевого конфликта, либо его истинные причины и виновники представляются как скрытые от глаз простых людей, но известные Субъект-группе.

Примеры:

«Ястреб-Буш вновь угрожает странам, избравшим прогрессивный путь развития».

«Осознавая нынешнее катастрофическое состояние русского народа и российского государства, Союз видит главную причину этой трагедии в отходе большинства нашего образованного сословия в начале XX в. от идеалов православия и патриотизма».

4. Для эталонного интолерантного дискурса также характерны всевозможные пророчества и предсказания, представленные в основном в двух видах:

а) угрожающее прогнозирование: сообщение о страшных последствиях, которые ждут аудиторию, если она не присоединится к Субъект-группе или не будет преследовать Объект-группу;

б) успокаивающее прогнозирование: обещание полного разрешения всех проблем и противоречий в некоем условно-недалеком будущем в случае «нашей победы», т. е. — реализации интересов и стратегий Субъект-группы.

Пример:

«СХВ считает, что осуществление вышеперечисленных мер остановит экономическую катастрофу».

Рецепты выхода из кризиса

За устрашающим описанием конфликта в интолерантных текстах часто следуют рецепты его разрешения путем воздействия Субъект-группы на Объект-группу. Это могут быть общие призывы предпринять какие-то меры, предложения конкретных мер, а также одобрительные указания на то, что эти меры уже осуществляются Группой-субъектом или ее партнером.

В качестве рецептов преодоления конфликта могут предлагаться следующие действия:

а) перераспределение ресурсов (добавление ресурсов Группе-субъекту, лишение ресурсов Группы-объекта);

б) подчинение Группы-объекта господству Субъект-группы;

в) перемещение Группы-объекта (выселение, помещение в заключение и др.);

г) уничтожение Группы-объекта;

д) другое.

Примеры:

«Остановить американского быка!»

«...создание условий для повышения качества международного сотрудничества спецслужб по противодействию этому злу...»

Способы легитимации интолерантного отношения

Так как разрешение конфликта и соответствующее ему воздействие Субъект-группы на Объект-группу часто связаны с действиями сомнительной для аудитории легитимности, авторы интолерантных текстов прибегают к разным стратегиям оправдания, по которым тоже можно судить об интолерантности текста (т. к. здесь чаще всего и раскрывается «двойная логика»: одни правила для себя, другие — для «них»).

Возможны следующие способы легитимации:

1. Без аргументации: «позитивность» действий против Группы-объекта естественна, сама собой разумеется и не нуждается в обосновании.

Пример:

«В селе <...> проведена успешная операция, в ходе которой уничтожено пятеро боевиков».

2. Апелляция «к вечным ценностям» и/или к «абсолютным нормам», «человеческой природе» или, напротив, специфической «природе» как Субъект-группы, так и Объект-Группы. (*«Все люди естественным образом стремятся избегать смешанных браков»*; *«Равенство — универсальная человеческая ценность»*; *«Гостеприимство — исконно русское качество»*; *«Евреям по их еврейской природе свойственно то и это»*).

3. Оправдание «условиями момента», через временную вынужденность.

Пример:

«Резкое обострение противоречия между Трудом и Капиталом, стремительное абсолютное обнищание народов бывшего СССР пробуждает к осознанию необходимости борьбы народов, свержения буржуазии, завоевания власти пролетариатом».

4. Легитимация действий против Группы-объекта как обусловленных определенными качествами представителей Группы-объекта, с которыми «нельзя иначе».

Примеры:

«...Вообще, стоит заметить, что любые агрессивные реакции на любые религии — это лишь результат их навязчивой наглой экспансии».

«...Демократическое государство должно уметь защищаться».

Лексические и синтаксические маркеры интолерантности

Как уже было сказано, лексические маркеры не могут служить опорой в формализованном поиске интолерантности в текстах и абсолютно нерелевантны, — например, не может быть создан словарь «нетолерантных слов». Однако в режиме качественного анализа лексические маркеры, наряду с синтаксическими, могут служить дополнительными указаниями на наличие интолерантности в тексте. Нам удалось выделить следующие маркеры, однако их список не закрыт:

1. Отсутствует или минимально представлена вероятностная модальность — маркирует недопущение другого взгляда на ситуацию. Модальность — это кате-

гория, выражающая отношение говорящего к содержанию высказывания, отношение последнего к действительности. Модальность может иметь значение утверждения, приказа, пожелания и др. Выражается особыми формами наклонений, интонацией, модальными словами («возможно», «необходимо», «должен»), Соответственно, вероятностная модальность высказывания означает, что говорящий не настаивает на полной истинности своего высказывания. Это может быть оттенок предположительности, предложения и т. д. В предложениях с вероятностной модальностью задействованы такие конструкции, как «Я думаю, что...», «Возможно,....», «Предположим, что...», «Наверное...» и т. п.

2. Отсутствуют или минимально представлены уступительные конструкции — «хотя...», «тем не менее...», «несмотря на то, что...» и т. п.

3. Высказываемая позиция абсолютно однозначна, не допускаются какие-либо иные точки зрения на проблему; утверждается, что высказываемая позиция единственно верна и/или дает ответ на все вопросы.

Пример:

«В этой связи партия решительно отвергает антиленинскую кампанию, антисталинскую истерию, весь оголтелый антикоммунизм, развязанный реставраторами и их идеологами».

4. В избитии представлены обличительные и разоблачительные конструкции: слова «якобы», «дескать», «представляемый как», кавычки и др.

Примеры:

«буржуазная контрреволюция, провозглашенная как перестройка...» «"Законноизбранный" президент, как все другие президенты, ушел в отставку».

5. Часты сверхсуждения — категоричные суждения, не допускающие полутонов, «но» и оговорок (частный случай этого — сверхобобщение).

Пример:

«Главный результат такой идеологической обработки населения через СМИ, ставшие антисоветскими — расщепление общественного сознания с утратой идейных основ и ориентиров для социально значимой деятельности».

6. Типичны собирательные существительные и метонимия для Группы-объекта.

Пример:

«хулиганье, мразь, Москва, американский империализм, международный терроризм».

7. Характерны утверждения об осуществляющихся противодействиях Субъект- и Объект-групп с помощью глаголов конкуренции, борьбы, войны.

Пример:

«В борьбе за энергоресурсы американцы вытесняют Россию из ее "вотчин" на Востоке»

8. Используется экспрессивная метафорика в адрес Группы-объекта, в т. ч. животная.

Примеры:

«общество, разьедавшееся ржавчиной хрущевского ревизионизма», «Ястреб-Буш», «Американский бык».

9. Присутствует собственно оскорбительная лексика в адрес Группы-объекта («жидохристианство») и/или, напротив, в адрес Субъект-группы от лица

Группы-объекта (приписываемое Группе-объекту или действительное цитирование).

Пример:

«Мировому сообществу, наблюдающему за всеми событиями по телевизору, показывают лишь стихийный бунт населения, грабящего магазины и громящего парламент».

10. Применяется прием соединения нейтральных и негативно окрашенных слов при суждениях о Группе-объекте, т. о. негативная коннотация распространяется на нейтральное понятие.

Примеры:

«сектанты и еретики», «космополиты и предатели», «Беловежский сговор», «разбойничье антихристианское государство», «бараны-гомосексуалисты», «оккупационные формирования России в Ичкерии»;

«группа возмущенных российских программистов из Калифорнии решила сделать свой вклад в борьбу с терроризмом. Им удалось найти компанию, которая обслуживала чеченский сайт» (ставится знак равенства между словами «терроризм» и «чеченский»).

11. Аналогичным образом используется соединение негативного поступка с наименованием персонажа по группе и т. о. перенесение склонности к таким поступкам на всю группу в целом.

Примеры:

*«украинец насильничал женщин»,
«гомосексуалист украл колбасу».*

12. Наконец, в наиболее жестких интолерантных текстах могут содержаться прямые призывы к решительным действиям в адрес Группы-объекта.

Пример:

«Установить диктатуру пролетариата можно лишь путем социалистической революции, поскольку буржуазия никому и никогда мирным путем власть не отдаст».

Заключение

Апробирование приведенной выше системы признаков интолерантности показало, что в «обычных», т. е. нерадикальных газетах, как правило, встречаются только отдельные признаки, а не вся система в целом, — причем одни чаще, чем другие. Так, Объект-группа характеризуется гораздо чаще, чем Субъект-группа, которая зачастую вообще отсутствует. Из лексических и синтаксических маркеров в «обычных» газетах преобладают более мягкие: отсутствие вероятностной модальности, соединение нейтральных и негативных понятий можно увидеть гораздо чаще, чем экспрессию и тем более прямые призывы к насильственным действиям. Заметим, что предложенный список признаков, конечно, не является закрытым и ждет своего усовершенствования.

В заключение следует отметить, что проведение мониторинга по представленной методике требует специальной подготовки — по меньшей мере, такой мониторинг должен быть возглавлен научным координатором (координаторами), имеющим(и) специальное образование в области социологии и, желатель-

но, лингвистики; что же касается кодировщиков, то для успешной работы они должны обладать высшим гуманитарным образованием.

Так как предложенная методика наиболее эффективно выявляет выражения интолерантности, близкие к эталонному дискурсу, в спорных случаях и при различных способах завуалированного выражения интолерантного отношения требуется непосредственное участие научного координатора мониторинга. Кодировщики, однако, должны найти соответствующие места в текстах и обратить на них внимание исследователя.

Литература

1. Федеральная целевая программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе» // Век толерантности: Научно-публицистический вестник. М., 2001. № 2.
2. Декларация принципов толерантности // Век толерантности: Научно-публицистический вестник. М., 2001. № 1.
3. Малькова В.К., Тишков В.А. Этничность и толерантность в средствах массовой информации, М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2002.
4. Малькова В.К. (авт.-сост.) «Остановитесь! Оглянитесь!» К вопросу об этнической толерантности и конфликтности в российской прессе. М.: ИЭА-ПРЕСС, 2002.
5. Диагностика толерантности в средствах массовой информации / Малькова В.К. (ред.) М.: ИЭА-ПРЕСС, 2002.
6. Верховский А. Государство против радикального национализма. Что делать и с чего начать? М.: Центр «Панорама», 2002.
7. Верховский А. (сост.) Язык мой... Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ. М.: Центр «Панорама», 2002.
8. Верховский А., Папп А., Прибыловский В. Политический экстремизм в России. М., 1996.
9. Кольцова О.Ю. Сложности выявления языка вражды в Интернете: от «мирных» противостояний до вооруженных конфликтов // «Язык вражды» и свобода слова. Межэтническое и межконфессиональное в российских СМИ как проблемное поле. Профессиональная этика журналиста: рабочие материалы. М.: Галерея, 2003 (в печати).
10. Таратута Е. Заклинание толерантности: время терпит? // Пчела. 2002. № 3(39).
11. Чепкина Э. Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды. Екатеринбург, 2000.
12. Дубровский Д.В., Карпенко О.В., Кольцова О.Ю., Торчинский Ф.И., Шпаковская Л.Л. Рабочие материалы исследования по опознаванию радикальных текстов. Санкт-Петербург, 2003 (в печати).
13. Delwiche A. Propaganda. <http://carmen.artsci.washington.edu/propaganda/contents.htm>. Revised in 1995.
14. Карпенко О. ...И гости нашего города... // Отечественные записки, 2002. № 6.
15. Ван Дейк Т.А. Язык, познание, коммуникация. Благовещенск: БГК им. Бодуэна де Куртенэ, 2000.

Дополнительная литература

Расизм в языке социальных наук / Под ред. В. Воронкова, О. Карпенко, А. Осипова. СПб: Алетейя, 2002.

Карпенко О. «Эти гости, похоже, контролируют сегодня всю рыночную торговлю»: концепция «этнической экономики» через призму российской прессы // Этничность и экономика в постсоциалистическом пространстве. Труды ЦНСИ. СПб., 2000. (http://www.indepsocres.spb.ru/sbomik8/8r_karp.htm)

Карпенко О. Языковые игры с «гостями с юга»: «кавказцы» в российской демократической прессе 1997–1999 гг. // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, Институт философии РАН. 2002.

Downing J.D.H International Communication and the Extremist Right // Citizens At The Crossroads / Ed. M. Pendakur. Ottawa: Federal Department of Canadian Heritage, 2001.

Downing J. RADICAL MEDIA: rebellious communication and social movements. Sage: Thousand Oaks, 2000. Chapter 1.8. Repressive radical media.